

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЗАКОНАМ

Перевод А. Н. Егунова

ВВЕДЕНИЕ

Извилистый путь „Законов“ окончен. Достигли ли собеседники грота и святилища Зевса, мы не знаем. Впрочем, Платон, повидимому, не особенно останавливался на реальности ситуации диалога. Но цель беседы достигнута: начертан в своем роде стройный план государства и, как возглавление, дан проект Ночного Собрания, блюстительного органа, спасающего все государство. Перед читателем развернут большой и, в основном, законченный набросок. Тем не менее, в рукописях вслед за двенадцатой книгой идет тринадцатая, с особым заглавием *Ἐπινομίς*, иногда называемая и *Ἐπινόμιον* (вероятно, неологизм; приблизительно его можно передать по-русски — по аналогии с *Δευτερονόμιον* — „Второзаконие“ — как: „Послезаконие“, или „Позаконие“).

Содержание „Послезакония“ не является, по существу, новым в сравнении с „Законами“. Собственно говоря, это развитие двух мест „Законов“: XII, 966 В сл. и VII, 818 В сл. В первом из указанных мест ставится вопрос: чему надо обучаться? Этот вопрос в „Послезаконии“ принимает несколько иную форму: чему надо обучиться, чтобы смертному человеку стать мудрым? (973 В). По „Послезаконию“, высшая мудрость состоит в знании наук о числе. Число — божественный дар бога (976 Е — 977 А); кто его не знает, тот не может дать себе отчета в том, что им воспринято чувственным путем. Число проявляется в телах, и, соответственно пяти видам правильных многоугольников, есть пять элементов. Из этих пяти элементов образовано пять разрядов живых существ (ср. Тимей, 39 Е — 40 А); высший разряд — звезды, с их пламенной природой, низший — люди, состоящие, главным образом, из земли. Звезды разумны и одушевлены; это или боги или образы богов. Посредниками между людьми и богами служат промежуточные существа — демоны и полубоги. Разумность божественных светил сказывается в подчиненности их движений числам. Науки о числе человеку надо постигать в такой последовательности: арифметика, геометрия, стереометрия, астрономия. И не к безбожию ведет астрономия, а, напротив, к богобоязненности и пониманию вселенной, как гармонии (991 Е), что составляет высшее блаженство, которому причастна, однако, лишь малая часть людей.

Если оставить пока в стороне свидетельства древних, а рассматривать лишь содержание „Послезакония“, то ничто не мешает признать, что Платону, по окончании грандиозного наброска „Законов“, где все намечено, по большей части, лишь в общих чертах, захотелось более детально коснуться любимого вопроса об образовании, о предметах обучения, о мудрости; тогда, такой не-

сколько в ином масштабе и в иной манере написанный, этюд и составил „Послезаконие“. Можно даже предположить, что это было сделано одновременно или — что мало вероятно — даже до написания „Законов“. Сюда же относится и то обстоятельство, что язык „Послезакония“ не обнаруживает значительной разницы по сравнению с языком „Законов“¹.

Античные свидетельства об авторе „Послезакония“ колеблются: Цицерон (De Orat. III, 6) и Прокл (in Eud. I, p. 12; in Tim., p. 269 C) приписывают его Платону. Диоген Лаэртский (III, 56. 61 сл.) упоминает, что Аристофан Византийский и Фрасилл, разделившие Платоновские диалоги: первый — на трилогии, второй — на тетралогии, считали этот диалог подлинным. Но тот же Диоген Лаэртский, при упоминании о роли Филиппа Опунтского, как редактора „Законов“ (III, 37, 25), прибавляет: „ему (т. е. Филиппу), как говорят, принадлежит „Послезаконие“. Точно так же у Свиды, под словом *φιλόσοφος* (по Воеск'у — Филипп Опунтский) читается: „он разделил на 12 книг „Законы“ Платона, а 13-ую, как передают, прибавил сам; он был слушателем Сократа и самого Платона; занимался исследованием небесных явлений“. Вслед за тем Свидя перечисляет сочинения Филиппа; из этого перечня видно, что Филипп, хотя и был учеником Сократа, действительно немало занимался натурфилософией, астрономией и математикой. Эти свидетельства Диогена Лаэртского и Свиды, наряду с некоторыми особенностями „Послезакония“, заставили в новое время исследователей отрицать принадлежность этого диалога Платону². Но в последнее время против этого направления возникла реакция, и Н. Raeder (Platons philosoph. Entwicklung, 413—419) считает возможным приписать диалог Платону.

Все же, имея в виду и приведенные древние свидетельства, представляется невозможным (по крайней мере, переводчику) приписывать „Послезаконие“, не обинуясь, Платону. В качестве тринадцатой книги „Законов“ этот диалог совершенно неприемлем: он нарушает своеобразную законченность двенадцатой книги и только ослабляет впечатление, да и пристегнут он крайне неловко: „вот мы снова сошлись, как было условлено“ — между тем в „Законах“ такого условия вновь сойтись нет. Это явно напоминает начальные слова „Тимея“. Предположение, что это отдельный диалог, написанный Платоном на тему, близкую к „Законам“, — допустимо. Но тогда встают неразрешимые вопросы: когда же написан этот диалог? После „Законов“? И что делать с неоконченным „Критием“? Естественнее считать, что Филипп Опунтский, ученик Платона, бывший, допустим, редактором его „Законов“, извлек „из бумаг“ покойного учителя содержание этого диалога, дополнил его тем, что слышал от учителя при его жизни, и добросовестно изложил все это, но не с широким размахом мастера, а с кропотливой точностью ученика. Таким образом остаются в силе древние свидетельства, объясняется сходство этого диалога с „Законами“ и, местами, с „Тимеем“. Старческий тон „Послезакония“, отмечаемый исследова-

¹ C. Ritter, Untersuch. über Plato, 91 сл., что, впрочем, не помешало Ritter'у, отрицавшему принадлежность „Послезакония“ Платону, считать автора этого диалога „schwach an Verstand“ (Kommentar zu Gesetzen, 64).

² F. Ast, Platos Leben und Schriften, 393. Ed. Zeller, Platon. Studien, Tübingen 1839. K. Fr. Hermann, Gesch. u. System d. platon. Philosophie, Heidelberg 1839.

телями, не будет при этом неожиданностью: раз, по словам Свида, Филипп был слушателем Сократа, то, следовательно, он мог быть почти ровесником Платону. Античные воззрения на литературную собственность были отличны от наших: поставить на своем сочинении (вернее, реферате) имя учителя было не подлогом, но актом своеобразного пиетета. Если и исключить „Послезаконие“ из числа подлинных Платоновских диалогов, все же его нельзя ставить на одну доску с каким-нибудь „Аксионом“ или „Эриксием“: верный ученик заботливо и верно передал мысли учителя; немудрено, что в „Послезаконии“ слышится подлинный Платон, исследователь не только законов государственных, но и законов вселенной.

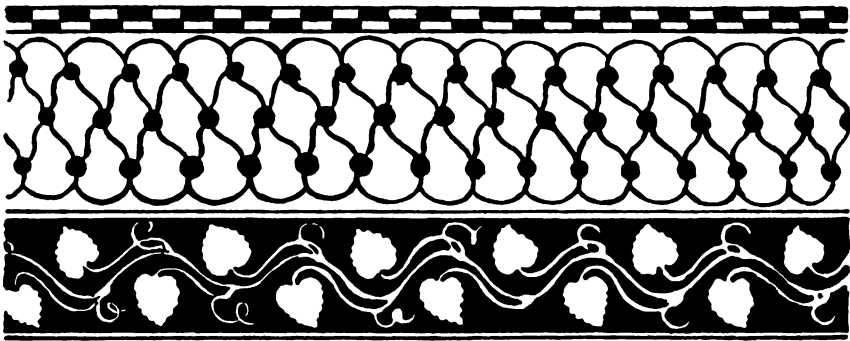

Перевод на русский язык: И. Сидоровского (творений велемудрого Платона, часть третья, содержащая в себе „Законы“ или о законоположении *тринадцать* книг, СПб. 1785). Специальная литература — та же, что о „Законах“ (см. т. XIII, введение). Кроме того: Н. Reuther, De Epinomide Plat., Diss., Lpz. 1907.

А. Ецунов.

Клиний. Ну вот, чужестранец, мы и сошлись, как было ус- 973
ловлено, все втроем — я, ты и этот вот Мегилл, — чтобы рас-
смотреть, как нам разобрать вопрос о рассудительности; если
пораздумать, то рассмотрение этого вопроса всего лучше на-
правит человека в сторону рассудительности, поскольку вообще
он может ею обладать¹. В самом деле, можно признать, что мы
разобрались во всем остальном, касающемся установления за-
конов. А вот, то, что всего важнее отыскать и высказать, именно: В
чему должен смертный человек обучиться, чтобы быть мудрым,
этого мы не сказали и не отыскали. Давайте, попробуем сейчас не
упустить этого. Дело в том, что иначе мы, пожалуй, не закончим
того, ради чего мы все двинулись в путь, надеясь выяснить все
вопросы с начала до конца.

Афинянин. Хорошо ты говоришь, дорогой Клиний. Но ду-
мается мне, тебе предстоит услышать странную речь; впрочем,
с другой стороны, она как-то и не так странна. Многие люди, даже
с большим жизненным опытом, держатся того взгляда, что чело-
веческий род никогда не будет счастливым и блаженным. Про- С
следи и посмотри, не покажется ли тебе, что и я, вместе с ними,
окажусь здесь прав. Я также отрицаю возможность для людей,
за исключением немногих, стать счастливыми и блаженными.
Но я ограничиваю это пределами нашей жизни. У человека есть
прекрасная надежда, что после смерти он достигнет всего того,
ради чего при жизни он стремился жить как можно лучше, по
мере сил, чтобы, окончив жизнь, достигнуть подобного конца.
Я не высказываю ничего мудреного; нет, так или иначе мы D
все — и эллины и варвары — признаём это, то есть: каждому жи-

вому существу тяжело сначала появиться на свет; прежде всего тяжело быть причастным утробному состоянию, затем опять-таки само появление на свет, вдобавок возвращение, воспитание — все это, как мы все признаём, сопряжено с тысячью тягостей.

974 Жизнь наша кратковременна, даже если не принимать в расчет каких-нибудь особых бедствий, но лишь такие, которые выпадают на долю каждого в скромных размерах. Эта кратковременность позволяет человеку вздохнуть свободно, кажется, лишь в середине его жизни. А быстро подступающая старость заставляет каждого, кто только не преисполнен детских чаяний, отказаться от желания снова возвратиться к жизни: ведь человек принимает в расчет прожитую им жизнь. На что я здесь могу сослаться? На то, что уже сама природа обсуждаемого сейчас

В вопроса такова. Мы обсуждаем, каким образом мы можем стать мудрыми, точно каждый человек имеет эту возможность. Между тем мудрость бегом убегает от нас тогда, когда мы приближаемся к разумности так называемых искусств, разумностей и других тому подобных, по нашему мнению, наук, тогда как ни одна из них не заслуживает такого обозначения, раз вся их мудрость обращена на человеческие дела. А ведь душа человека твердо в этом уверена и заявляет, что, по своей природе, она

С каким-то образом может иметь такую мудрость. Однако, душа человека не очень-то может найти, в чем состоит эта мудрость, когда она появляется и каким образом приходит. Не правда ли, на такое состояние человеческой души очень походит наше нынешнее затруднение в вопросе о мудрости и это наше размышление. Возникающие здесь у каждого человека трудности превышают даже ожидание; по крайней мере, так бывает у тех людей, которые среди нас оказываются в состоянии исследовать, разумно и без разногласий, как самих себя, так и других людей, при помощи всякого рода способов рассуждения и всякого рода обсуждения. Согласимся ли мы, что это действительно так? Или нет?

D Клиний. Согласимся; однако, все же мы надеемся, чужеземец, что со временем мы, с твоею помощью, составим себе наиболее истинное мнение по этому вопросу.

Афинянин. Итак, нам надо прежде всего разобрать все остальные, так называемые, науки, которые, впрочем, отнюдь

не делают мудрым человека, ими занимающегося и их усвоившего. Покончив с этими науками, мы попробуем, для сравнения, изложить — а после изложения и усвоить — те науки, которые нам необходимы.

2

Итак, сперва рассмотрим те первые начатки знаний, которые должны быть прежде всего у смертного племени. Эти начатки в высшей степени необходимы, так что, пожалуй, они являются E поистине первыми. Однако, человек, овладевший этими начатками знаний, даже если он когда-то в начале и казался мудрецом, в наше время уже вовсе не будет признан мудрым, а эти его знания скорее навлекут на него упрек.

Давайте, укажем, в чем состоят эти начатки знаний, и почему 975 чуть что не всякий, у кого появляется соревнование в том смысле, чтобы быть признанным человеком с наилучшими нравственными качествами, избегает этих знаний путем приобретения разумности и упражнения в ней. Первым из этих начатков знаний является тот взгляд, который, как говорит предание, с одной стороны, совершенно отучил нас от свойственного всем живым существам пожирания друг друга, а с другой — приучил нас к обычной пище. Да не прогневаются за это на нас предшествующие поколения; впрочем, они теперь относятся к нам благосклонно, ибо мы приветствуем тех из них, кто впервые установил то, о чем мы говорим. Хотя производство ячменной крупы и пшеничной муки и питание ими прекрасно и хорошо, все же это никогда не сможет сделать человека вполне мудрым. Дело в том, что само название „производство“ указывает лишь на трудность получения самих предметов этого производства. Приблизительно то же самое относится и ко всяческим видам земледелия. Ведь оказывается, что все мы беремся за обработку земли не при помощи искусства, но просто от природы, а бог нам в этом помогает. Да и домостроительство, всякого рода зодчество, выделе- B ливание разной утвари, кование, изготовление орудий для столярного дела, для лепки, плетения и тому подобного, полезно C для народа, но нельзя сказать, чтобы это имело отношение

к добродетели. Точно так же разного рода охота, ставшая столь разнообразною и искусною, все же не дает величия, соединенного с мудростью. Равным образом и ведовство; всецело так же и искусство. Дело в том, что эти искусства знают только то, чего они касаются, причем вовсе не задаются вопросом, истинно ли это.

- D До сих пор мы рассматривали добывание предметов первой необходимости, производимых при помощи искусства; при этом выяснилось, что во всех без исключения случаях это занятие не делает человека мудрым. Далее нам остается рассмотреть уже прямо какую-то забаву, по большей части состоящую в воспроизведении и во всех отношениях несерьезную. Люди применяют воспроизведение как при помощи многих орудий, так и при помощи не совсем благовидных воспроизведений самих тел; далее, они воспроизводят как в прозе, так и в разного рода стихах и теми приемами, матерью которых является живопись, причем ее произведения бывают очень разнообразны и чрезвычайно различны, в зависимости от того или иного, сырого или сухого, материала. Хотя бы человек занимался любым этим мастерством с величайшей старательностью, все равно, воспроизводящее искусство не сделает никого мудрецом. Правда, в конце концов все эти изделия могли бы оказать неисчислимую помощь неисчисли-
- E мому количеству людей. В этом отношении величайшим и наиболее полезным искусством является то, что носит название военного и полководческого искусства; его употребительность снискала ему наибольшую известность; но оно, зато, нуждается всего более в счастливом стечении обстоятельств, да и по своей природе скорее обязано мужеству, нежели мудрости. Искусство же, называемое 976 *врачебным*, приносит пользу всем живым существам, когда их природа страдает от перемен времен года, от холода или от несвоевременно наступившей жары. Однако, и здесь ничто не имеет значения для приобретения наиболее истинной мудрости. Дело в том, что *врачебное искусство* лишено надлежащей меры и полно смутных предположений. Правда, мы должны будем признаться, что кормчие и, вместе с ними, моряки в известном смысле оказывают нам помощь; но никто не уверит нас, будто хоть один из них является человеком мудрым. Ведь никто из них не ведает причин гневного напора ветра или его

ласкового дуновенья², между тем такое знание было бы очень по сердцу всему искусству кораблевождения. Точно так же обстоит дело с теми людьми, которые, по их утверждению, помогают нам, силою своего красноречия, вести судебные дела; они обращают все свое внимание, путем развития памяти и постоянного упражнения, на нравственную сторону человека, причем очень далеки от истинной сущности справедливости.

Кроме мнимой мудрости, остается еще одна странная способность, которую большинство назвало бы скорее природным свойством, чем мудростью. Она состоит в быстрой сообразительности, в легком усваивании, в очень большой и твердой памяти, запоминающей то, что для человека полезно; благодаря этому, человек сразу поступает так, как подсказывают обстоятельства. Все эти способности одни люди считают природным свойством, другие — мудростью. Однако, ни один разумный человек никогда не захочет признать действительно мудрым того, кто обладает этими свойствами.

3

Так вот, надо открыть какую-то такую науку, обладание которой делало бы человека действительно мудрым по существу, а не только по видимости. Посмотрим, что это за наука. Мы беремся, во всяком случае, за трудное исследование, раз мы хотим найти, помимо вышеуказанных наук, такую науку, которую по существу и естественно надо было бы признать мудростью, науку, обладатель которой станет ни ремесленником, ни глупцом, но мудрым и добрым, благодаря этой науке, гражданином; правитель ли он в своем государстве или подчиненный — все равно он будет справедлив и благопристроен.

Сперва рассмотрим ту науку, которая сделала бы человека самым бессмысленным и безрассудным существом, если бы только она вышла из человеческого обихода и не существовала наряду с другими нынешними науками. Эту науку не очень трудно заметить. В самом деле, сравнивая, так сказать, одну науку с другой, мы найдем, что только наука, давшая всему смертному роду понятие о числе, могла бы это сделать. Я думаю, что

ее дал нам для нашего спасения скорее бог, чем какая-либо случайность. Надо указать, о каком боге я это думаю; хотя, с одной стороны, это представляется странным, зато, с другой стороны, это как-то и не так странно. В самом деле, как не считать таким виновником, давшим нам величайшее из благ, разумность, того, кто вообще является виновником всяких благ для нас?

977 Какого же бога превозношу я своими словами, Мегилл и Клиний? Пожалуй, это — Небо, и всего справедливее почитать его и преимущественно к нему обращаться с молитвами; так это и делают все иные божества, да и боги. Все мы согласились бы, что оно для нас стало виновником и всех остальных благ. Мы, действительно, и утверждаем, что оно дало нам и понятие о числе, да и в будущем даст, если кто захочет ему сопутствовать. В самом деле, кто обратится к правильному созерцанию его, — вселенной ли, Олимпом ли, или Небом угодно кому его называть, тот пусть так его и называет — тот будет сопутствовать ему в его собственных разнообразных переменях и в обращении звезд, что дает разные исходы временам года и всем живым существам. Итак, мы будем утверждать, что оно дает нам и остальную разумность, вместе с общим понятием о числе, да и все остальные блага. Самое же главное будет то, если человек, получив от него дар чисел, разберется во всем его круговращении.

Однако, вернемся немного назад в нашем рассуждении и вспомним, как правильно мы заметили, что никогда мы не стали бы разумными, если бы исключили понятие о числе из человеческой природы. Дело в том, что душа живого существа, лишенного рассудка, вряд ли сможет овладеть всей добродетелью в совокупности. Ведь существу, не знакомому с тем, что такое „два“ или „три“, „нечет“ или „чет“, совершенно неизвестно понятие числа. Поэтому такое существо вряд ли сможет дать себе отчет в том, что приобретено только путем ощущений и памяти. Правда, это ничуть не препятствует иметь остальные добродетели, как-то: мужество и здравомыслие. Но тот, кто не умеет правильно считать, никогда не станет мудрецом. А у кого нет мудрости, этой наиболее значительной составной части добродетели, тот не может стать вполне благим и, следовательно, не может стать блаженным. Почему это так необходимо,

для разъяснения этого потребовалось бы рассуждение более пространное, чем все вышеуказанное. Впрочем, и теперь будет правильным сказать, что из всех остальных так называемых искусств, разобранных нами — допустим, что все это действительно искусства, — не осталось бы ни единого, но все они совершенно исчезли бы, если будет исключена наука о числах. Бросив взгляд на эти искусства, человек может, пожалуй, предположить, что человеческий род нуждается в понятии о числе ради незначительных целей. Однако, и это уже важно. Если же человек примет во внимание божественное начало, заключающееся в рождении и смерти, в чем также можно распознать начало благочестия и действительно сущее число, то окажется, что даже не всякий прорицатель может познать все в совокупности понятие о числе: настолько велико его значение для нас, вызываемое его соприсутствием с нами. Раз уже и во всякого рода музыке надо исчислять движение и звуки, то ясно, что число является виновником всех благ, а это самое главное. Что число не производит ничего дурного, это легко распознать, как это вскоре и будет сделано. Ведь чуть что не всякое неотчетливое, беспорядочное, безобразное, неритмичное, нескладное перемещение и вообще все, что причастно чему-нибудь дурному, лишено какого бы то ни было числа; именно так должен мыслить об этом тот, кто собирается в счастье окончить свои дни. Точно так же и о справедливом, благом, прекрасном и о всем тому подобном никто никогда не сможет произвести расчисление по отношению к самому себе и совершенно не сможет убедить в этом другого человека, если только он не знает науки о числе и не овладел правильными представлениями в этой области.

4

Давайте, рассмотрим, как мы выучились считать. Скажи-ка, откуда у нас появилось понятие единицы, двойки. Почему только мы одни из всех живых существ по своей природе можем иметь такое понятие? Ведь у многих иных живых существ природа не приспособлена к этому, так что они не могут от своих отцов

научиться считать. А у нас впервые насадил это бог, так что мы можем понимать то, что нам показывают; затем бог показал нам это некогда и показывает до сих пор. Если сравнивать единицу с единицею, то что более прекрасное можно созерцать, как не день в смысле родового понятия? Далее человек переходит к частному понятию ночи; здесь пред ним совершенно D иное явление. Происходит беспрестанная смена многих ночей и многих дней; небо всегда производит это беспрестанно, научая людей понятию о единице и о двойке, так что, наконец, и самый неспособный человек в состоянии усвоить счет. При виде этого, каждый из нас сможет получить понятие о числах „три“, „четыре“, понятие о множественности. Одно из этих небесных тел, именно луну, бог сделал такою, что она является то большей, то меньшей и совершает свой путь, постоянно являя день иным, E вплоть до пятнадцати дней и ночей. Таково круговращение луны, если кому угодно полный круг считать единицею. Стало быть, коротко говоря, даже самое неспособное существо усвоит это, если только оно принадлежит к тем, кому бог дал природу, способную к усвоению. До сих пор и в этих пределах любое живое существо в состоянии хорошо считать, наблюдая единичные явления сами по себе. Зато, думается мне, требуется большая сообразительность, чтобы всякий раз дать себе отчет во взаимных соотношениях чисел. Здесь, как мы сказали, бог сделал так, 979 что луна то прибывает, то идет на убыль; он установил месяцы по отношению к году, и всякий человек начал, на доброе счастье, путем наблюдения сравнивать любое число с другим числом. Благодаря всему этому, у нас бывает урожай, земля бременеет, так что для всех живых существ получается пропитание, если ветры и дожди бывают умеренны, а не чрезмерны. Если же, B напротив, дело идет к худшему, то здесь приходится винить не божескую природу, а человеческую, которая не по справедливости распределяет свои средства к жизни.

Когда мы производили наши разыскания о законах, мы почти установили, что во всем остальном людям легко распознать самое для них наилучшее; всякий человек достаточно развит, чтобы понять и осуществить наши слова, если только он знает, что для него естественно является полезным и что — вредным. Мы постановили и посейчас держимся такого мнения, что все

остальные навыки не очень трудно приобрести, но зато чрезвычайно трудно решить, каким образом люди могут стать порядочными. Опять-таки, как мы указываем, приобретение всего остального, что свойственно порядочному человеку, возможно и нетрудно. Всякий понимает, в каком размере следует — или не следует — обладать имуществом, какими телесными свойствами надо отличаться, какими благими душевными качествами. А каковы эти благие качества души, на это всякий ответит: душа должна быть справедливой, здравомысленной, мужественной и мудрой. Но какова эта мудрость, здесь, как мы только что разобрали, большинство людей совершенно расходятся друг с другом в своих взглядах. А теперь, кроме всех вышеуказанных видов мудрости, мы нашли еще один ее вид, притом не какой-нибудь незначительный, именно в том смысле, чтобы казаться мудрым, — это, когда человек усвоил то, что мы разобрали. Но мудр ли и благ ли человек, знающий в этом деле толк, вот в чем надо дать себе отчет.

Клиний. Естественно, чужестранец, что в столь важных вопросах ты попытаешься дать и указания.

Афинянин. Да, Клиний, эти указания немаловажны. Но еще более затрудняет то, что они вполне и во всех отношениях истинны.

Клиний. Разумеется, чужестранец. Однако, не откажи изложить свой взгляд.

Афинянин. Хорошо, а вы оба не откажите выслушать.

Клиний. Очень охотно, — я отвечаю тебе от лица нас обоих.

5

Афинянин. Прекрасно. Итак, повидимому, приходится сказать прежде всего о том, можем ли мы одним именем обозначить то, что мы понимаем под мудростью. Если сделать это для нас очень трудно, то возникает вопрос: каковы ее виды и сколько их, так чтобы человек, овладевший этими видами, был, по нашим воззрениям, мудрым.

Клиний. Так скажи же!

Афинянин. Далее, нельзя отказать законодателю в возможности высказать о бogaх более красивые и лучшие уподо-

бления, нежели какие были указаны ранее, в виде как бы прекрасной забавы, и указать, как надо проводить свою жизнь, почитать богов и стареясь в песнопениях и в счастье.

Клиний. Прекрасны твои слова, чужестранец! Да будет это завершением твоих законов! Да проведешь ты чистую жизнь, услаждая богов, и да получишь в удел наилучшую и наипрекраснейшую кончину!

Афинянин. Так как же мы скажем, Клиний? Решить ли нам, что песнопениями мы чрезвычайно почитаем богов, и поэтому, с молитвой, приступить к высказыванию самых прекрасных и лучших взглядов о богах? Согласен ты с этим или нет?

Клиний. Да, вполне. Итак, друг мой, доверившись богам, помолись и выскажи приходящие тебе на ум прекрасные соображения о богах и богинях!

Афинянин. Да будет так, лишь бы только бог нами руководил! Помолись и ты вместе со мною!

Клиний. А теперь говори!

Афинянин. Итак, прежде всего мне придется, раз мои предшественники плохо, повидимому, представили происхождение богов и живых существ, изложить это лучше, согласно высказанному выше взгляду. Мне придется повторить то доказательство, с которым я пытался обратиться к нечестивцам, утверждая, что боги существуют, пекутся обо всем как о малом, так и о великом; что они непреклонны во всех делах, касающихся справедливости. Помнишь ли ты это, Клиний? Ведь вы получили и записи для памяти. Да, высказанные тогда взяды были вполне истинны. Из них самым главным было то, что любая душа старше любого тела. Помните ли вы это? Действительно, так ли оно на самом деле? Разве не убедительно, что то, что лучше, то и древнее и более богообразно, в противоположность худшему, которое моложе и менее почтенно; повсюду правящий старше подчиненного и во всех отношениях руководитель старше руководимого. Итак, признаем то положение, что душа старше тела. Раз это так, то, пожалуй, вполне убедительно, что первоначало у нас старше первого рождения. Установим же, что начало начал более благообразно, и что мы правильно вступили на путь, ведущий к высочайшим вершинам мудрости, коснувшись происхождения богов.

Клиний. Пусть будет это так, по мере сил.

Афинянин. Скажи, разве не будет согласно с природой и вполне истинно утверждать, что существо является живым тогда, когда соединение воедино души и тела порождает единую форму?

Клиний. Верно.

Афинянин. Такое существо и можно, по всей справедливости, называть живым существом. В

Клиний. Да.

Афинянин. Надо сказать, что, по весьма вероятному взгляду, есть пять видов твердых тел, из которых можно было бы лепить всего прекраснее и лучше; весь же остальной род тел имеет одну форму. Нет ничего бестелесного, что могло бы возникнуть, и нет ничего, вовсе не имеющего окраски, за исключением действительно божественного рода души. Одному этому подобает лепить и производить, а телу, как мы и говорим, подобает лепиться, рождаться и быть видимым. Первому подобает — повторим опять: это стоит сказать не раз — быть невидимым, сознательным и постигаемым лишь умственно, обладающим памятью и умеющим считать перемены в нечетном, равно как и в четном. Итак, есть пять тел. Здесь надо назвать огонь, воду, в-третьих — воздух, в-четвертых — землю, в-пятых — эфир. Смотри по главенству того или иного тела, получается много разных живых существ. В каждом отдельном случае это надо понимать так: прежде всего установим единый земной род; это все люди, все многоногие и безногие животные, все, что способно передвигаться и все, что пребывает на месте, будучи прикреплено корнями. Здесь единство надо мыслить так: все эти существа состоят из разных родов, но большая их часть состоит из земли и из твердой природы. Как иной род живых существ, следует установить второй разряд, также рождающий и могущий быть видимым. В нем всего больше огня, хотя есть и земля и воздух и незначительные доли всех остальных элементов; поэтому надо признать, что из этого разряда возникают разнообразные и видимые живые существа. Опять-таки надо думать, что таков род живых существ на небе; таким надо признать весь божественный род звезд; им уделено прекраснейшее тело, блаженнейшая и наилучшая душа. Из двух возможных частей им надо при- С D E

писать, пожалуй, вторую: каждое из них может быть или не-
982 уничтожаемым, бессмертным и, по всяческой необходимости, вполне божественным, или же оно может иметь долгую жизнь, достаточную для своего существования, так что оно вовсе не нуждается в его продлении.

6

Прежде всего разберемся в только что указанном. Мы утверждаем, что существует два разряда живых существ. Затем мы опять-таки утверждаем, что оба эти разряда видимы. Первый, как это может показаться, состоит из огня, весь целиком; второй — из земли. Земной род движется в беспорядке, а огненный — в полном порядке. Тот род, который движется в беспорядке, B надо считать лишенным разума; так поступает большинство окружающих нас животных. Поступательное же движение, совершаемое на небе в строгом порядке, надо принять за доказательство разумности. Достаточным доказательством разумного существования служит постоянное, единообразное и тождественное поступательное движение, действие и состояние. Более необходимой, чем что бы то ни было, является здесь необходимость предположить, что эти тела имеют душу, обладающую разумом. Ведь она законодательствует, как правительница, а не как подчиненная. C неизменное же, — когда душа, по совету наилучшего разума, избирает себе наилучшее, — становится совершенством, согласно разуму; даже адамант не крепче его и не более неизменяем. Три Мойры поддерживают и наблюдают, чтобы то, что приобретено по наилучшему совету богов для каждого, и было совершенным. А людям надо считать доказательством того, что звезды и все поступательное их движение обладает разумом, их постоянное тождественное действие, по принятому издревле решению, ддящееся уже D непостижимо долго. Звезды не перерешают своего решения, не движутся вверх и вниз, не делают то одно, то другое, не блуждают и не изменяют своих оборотов. Между тем именно это-то многих из нас привело к обратному заключению, будто звезды не имеют души, раз их действие тождественно и единообразно.

За этими безумцами последовала толпа и предположила, что человеческий род обладает разумом и живет, коль скоро он находится в движении, род же богов не обладает разумом, раз он только перемещается всегда одинаково. Однако, человеку было возможно подняться до более прекрасного, лучшего и отрадного взгляда, что признаком обладания разумом следует считать как раз то, что разум постоянно действует по одному и тому же плану, одинаковым образом и вследствие одних и тех же причин. Именно такова природа звезд, столь прекрасная на вид: их путь и хороводы прекраснее и величественнее всех хороводов; они для всех живых существ осуществляют надлежащее. Впрочем, в подкрепление справедливости наших слов об одушевленности звезд, подумаем прежде всего о их величине. В самом деле, они в действительности вовсе не так малы, как кажутся; напротив, размер каждой из них огромен; этому стоит верить, так как это достаточно доказано. Безошибочно можно мыслить солнце, все целиком, гораздо большим, чем вся целиком земля. Да и все движущиеся звезды обладают действительной величиной. Так вот и рассудим, каким образом можно было бы заставить такое бремя совершать кругообразное движение всегда в одно и то же время, как это совершается и посейчас. Какая природа могла бы это сделать? Я утверждаю, что виновником здесь будет только бог; иначе это невозможно. Ведь и одушевленными они стали только при посредстве бога, как это мы выяснили. Раз бог в состоянии это совершить, то для него совсем легко было создать прежде всего любое живое тело, любое бремя, затем заставить его двигаться по тому направлению, которое он признает наилучшим. Коротко говоря, скажем теперь одно истинное слово о всем этом: невозможно, чтобы земля, небо, все звезды и все тяжелые небесные тела совершали ежегодно свой путь столь точно, согласно месяцам и дням, чтобы все вообще существующее существовало для всех нас столь благим, если бы только при каждом или в каждом из всего этого не было души. Насколько человек ничтожнее этих светил, настолько более ясные воззрения должен он обнаруживать, а не говорить вздора.

7

Между тем, человек не скажет ничего ясного, если назовет причиную стремительное движение тел или их природу или что-нибудь подобное. Но опять-таки надо вполне разобраться в высказанном нами воззрении. Имеет ли наш взгляд смысл, или вовсе лишен его, раз мы прежде всего утверждаем, что есть два рода сущностей: душа и тело? И то и другое имеет много разновидностей, отличных друг от друга и несходных между собою; нет ничего иного, третьего, что было бы свойственно одному из них. Душа отличается от тела: она обладает разумом, а оно — установили мы — не обладает; она правит, оно подчиняется; она — причина всего, оно не является причиной какого-либо состояния. Стало быть, какая нелепость, какое безрассудство утверждать, будто небесные явления имеют какую-нибудь другую причину, а не являются порождениями души и тела! Итак, если наше воззрение должно победить существующие о всем этом учении и убедительно обнаружить божественность всех этих явлений, то надо из двух возможностей выбрать одну: или с полным правом прославлять небесные тела как богов, или принять, что они стали образами богов, точно кумиры, сработанные самими богами. Ведь это дело не чьих-либо несмышленных или малоценных рук. Так вот, как было сказано, нам надо установить какую-нибудь одну из этих возможностей; коль скоро это будет установлено, следует им оказывать почет преимущественно пред всякого рода кумирами. Ведь никогда не найдется более прекрасных и более общих для всего человечества кумиров, воздвигнутых в столь отличных местах, отличающихся чистотой, величавостью и, вообще, жизненностью, чем небесные тела, которые именно таковы. Итак, мы теперь подступаем к вопросу о богах со следующей точки зрения.

Мы заметили два разряда видимых нами живых существ; один из них мы признали бессмертным, другой, т. е. весь земной, стал смертен. Это три средних разряда из пяти, находящиеся между ними; они всего более ясны на основании обычных представлений; о них - то и надо попытаться говорить. А после огня мы поместим эфир. Мы установим,

что душа из него образует живые существа, обладающие той же силой, что и остальные роды, причем они большею частью состоят из их собственной природы, и лишь немногие образованы с помощью соединения с свойствами остальных родов. После эфира душа образует из воздуха иной род живых существ и третий род из воды. Раз душа произвела все это, то естественно, что все небо преисполнено живых существ. Душа приспособила каждый род согласно его силе, причем все они стали причастны жизни. Образовав второй, третий, четвертый и пятый род живых существ, причем она начала с рождения богов, явных нам, душа закончила нами, людьми.

8

Что касается богов, как, например, Зевса, Геры и всех остальных, то их можно разместить по этому же закону, как кому будет угодно, лишь бы прочно было усвоено это учение. Но первыми, зримыми, величайшими, почтеннейшими богами, зорко видящими все и везде, надо признать природу звезд и те явления, которые мы ощущаем в связи с ними. Непосредственно после них и под ними надо сряду поместить демонов, воздушное племя, занимающее треть, среднее место, демонов, являющихся виновниками истолкования; их надо весьма почитать молитвами за их благознаменательные возвещения. Из этих двух разрядов живых существ, тот, что образован из эфира, а вслед за ним и тот, что образован из воздуха, незримы; даже их близкое присутствие для нас неявно. Оба эти разряда причастны удивительной разумности, так как это племя легко усваивающее и памятливое; мы сказали бы, что они знают все наши мысли и удивительным образом приветствуют того из нас, кто прекрасен и благ, а очень порочного ненавидят, так как они уже причастны скорби. Между тем бог, достигший совершенства в своей божественной участи, находится вне таких переживаний, как наслаждение и скорбь, и во всем причастен лишь разумности и познанию. Раз небо стало преисполнено живых существ, то эти демоны являются истолкователями среди живых существ, носясь легким движением по земле и по всему свету. Пятый разряд,

образованный из воды, правильно можно было бы уподобить полубогам; ведь они из них и произошли. Они иногда зримы, иногда же скрываются, делаясь неразличимыми, что для темного взгляда является чудом.

- С Эти пять разрядов живых существ, действительно, существуют, в чем пришлось убедиться некоторым из нас или во сне, в сновидении, или слыша слова откровения и прорицания, когда бываешь здоров или болен, или когда придешь к концу жизни. Эти представления разделяются как частными людьми, так и государством. Вот почему сооружено много святилищ многим божествам, да и впредь будут сооружаться. Законодатель, хоть чуть-чуть обладающий умом, никогда не отважится делать нововведения во всех этих областях и не допустит, чтобы его государство поддерживало новые, еще неясные, культы. Он не станет препятствовать жертвоприношениям, установленным отеческими обычаями, так как он ничего ровно не знает в этих делах: ведь смертной природе невозможно знать все это. Но что касается действительно явных богов, то это же самое воззрение заставляет признать чрезвычайно дурными тех, кто не отваживается ни сказать нам прямо, ни обнаружить своих взглядов, а между тем уклоняется от обрядового почитания иных богов и не воздает им подобающего почета. А теперь случается именно так, как если бы кто из нас, заметив солнце или луну, взирающих на всех нас, ничего не сообщил об этом, хотя мог бы это сделать, так что эти светила были бы лишены почитания; если бы он, поскольку это от него зависит, не проявил никакого желания явно учредить, в честь этих божеств, на почетном месте празднества и жертвоприношения и назначить сроки, уделить времена года, в честь этих божеств из 986 бóльших и меньших годов³. Разве такой человек не заслуживает по праву обозначения дурного, вредного и для самого себя и для другого сознающего это человека.

Клиний. Конечно, так, чужестранец. Это даже в высшей степени дурной человек.

Афинянин. Так вот, дорогой Клиний, знай, что именно в таком положении нахожусь я.

Клиний. Как это ты говоришь!

9

Афинянин. Узнайте, что на всем небе есть восемь сил, братски родственных между собою. Я их созерцал; однако, в этом нет ничего мудреного; это легко заметит и всякий другой. Из этих сил три следующие: одна — солнца, другая — луны, третья — неподвижных звезд, о которых мы упомянули немного ранее; остается еще пять других. В

О всех этих светилах и о тех силах, что находятся в них, все равно, сами ли они идут или совершают свой путь по этому направлению, несясь в колесницах, всякий из нас всех будет мыслить, не иначе, как так: одни из них — боги, другие — нет; одни связаны между собою родством, другие же таковы, что никому из нас и сказать о них нельзя; лучше скажем, что все они, по нашему утверждению, братья, и участь их братская. Воздадим им почитание, однако, не так, что одному посвятим целый год, другому — месяц, а третьему не отведем уже никакой доли и никакого времени, в которое они проходят свой оборот, содействуя мировому порядку, зримому и установленному разумом, наиболее божественным из всего. Человек счастливый сперва поражен этим мировым порядком, затем начинает его любить, чтобы усвоить его, насколько это возможно для смертной природы, полагая, что таким образом он всего лучше и всего благополучнее проведет свою жизнь и, по смерти, придет в места, подобающие добродетели, — такой человек поистине и на самом деле примет посвящение, овладеет единой разумностью, раз уже он сам един, и будет в остальное время созерцать самые прекрасные явления, какие доступны зрительному восприятию. А теперь нам остается далее указать, сколько этих богов и каковы они. Ведь мы никогда не окажемся лжецами; на этом-то, по крайней мере, я твердо настаиваю. С D E

Я опять-таки утверждаю, что таких богов — восемь. О трех из них мы уже говорили; остаются еще пять. Четвертый вид перемещения и круговращения, равно как и пятый, по своей скорости чуть что ни равны солнцу, во всяком случае, не медленнее и не быстрее его. Вообще, их постоянно три, и разум достаточен для руководства ими. Мы признаём такими богами

солнце, утреннюю звезду и еще третьего, которого нельзя назвать по имени, так как оно неизвестно; причиной этого является то, что первый, заметивший это, был варваром. Дело в том, что древний обычай воспитал первых людей, обративших на это внимание, под воздействием красоты летнего времени, которым достаточно обладает Египет и Сирия; там люди постоянно видят все звезды, так сказать явно, потому что в этом краю мира никогда не бывает облачности и влажности⁴. Из тех краев эти сведения распространились повсюду, в том числе и здесь, причем эти знания были подкреплены тысячелетним, бесконечным наблюдением. Поэтому надо смело включить это в законы. В самом деле, не считать ценным того, что божественно, между тем как иное, вообще говоря, все-таки считается ценным, это явное неразумие. Если же они не получили названия, то надо указать именно на эту причину; впрочем, они заимствовали свои имена у богов. Так утренняя звезда, — она же и вечерняя, — пожалуй, не без основания носит имя Афродиты, что вполне в духе сирийского законодателя. А то светило, которое совершает свой путь вместе с солнцем, получило, пожалуй, имя Гермеса. Есть еще три светила, которые, скажем мы, перемещаются вправо вместе с луной и солнцем. Надо указать на одно из них, именно на восьмое; его скорее всего можно было бы признать вышним миром. Оно совершает свой путь в направлении, обратном всем светилам, ведет всех остальных; по крайней мере, так кажется нам, людям, столь мало сведущим во всем этом. Но необходимо высказать то, о чем у нас имеется достаточно сведений; мы так и поступим: ибо, действительно, сущая мудрость именно как-то так и обнаруживается человеку, хотя мало-мальски владеющему правильным божественным размышлением. Следуют остальные три звезды; из них одна отличается от прочих своею медленностью, и некоторые дают ей имя Крона; следующую за ней в смысле медленности надо назвать именем Зевса; именем Ароя — следующую; она одна из всех них имеет наиболее красноватый оттенок. Коль скоро кто-нибудь указал нам на эти светила, уже нет никаких трудностей их заметить; но лишь только это будет усвоено, следует мыслить о них именно так, как мы указали.

10

Всякий эллин должен поразмыслить над тем, что местность, занимаемая нами, эллинами, чуть что ни лучше всех остальных в смысле ее прекрасных свойств. Здесь надо отметить то ее преимущество, что она занимает среднее место между странами с суровым зимним климатом и странами с жаркой природой. Раз, в смысле летнего жара, природа тех мест, как мы сказали, превосходит нашу родину, то, естественно, нам позже были переданы сведения об этих богах мира. Однако, мы должны признать, что эллины усвершенствуют все, что бы они ни получили от варваров. С этим точно так же надо считаться и при обсуждении E того вопроса, который мы сейчас разбираем. Хотя и трудно отыскать несомненную правду в этом отношении, однако, у нас есть сильная и прекрасная надежда, что эллины прекраснее и справедливее по существу позаботятся о всех этих богах, чей 988 культ, по преданию, пришел к нам от варваров. Эллины могут применить здесь свою образованность, дельфийские прорицания и весь свой культ, основанный на законах. И пусть никто из эллинов не пугается мысли, будто не следует заниматься божественными делами, раз мы смертны; напротив, надо думать как раз обратное, именно: божественное не лишено разума, оно знает человеческую природу, прекрасно ведает, что она, под его наставничеством, последует за ним и усвоит его наставления. B А что божество дает нам наставления, например, понятие о числе, уметь считать, это ему, конечно, известно. Всех неразумнее был бы тот, кто этого не знает. Ведь, как говорится, он действительно не знал бы в этом случае самого себя, сердился бы на того, кто в силах усвоить эти знания, не радовался бы, без зависти, успехам того, кто, благодаря богу, стал благим. Есть много прекрасных доводов в пользу того, что в ту пору, когда C у людей зародились первые представления о богах, как они произошли, какими стали и по какой причине, и какие деяния они совершали, все эти воззрения были бы не по вкусу и не по сердцу людям здравомыслящим. То же самое и взгляды следующих поколений, утверждавшие наибольшую древность огня, воды и всех прочих тел, относившие к позднему времени

чудесное явление души, считавшие главным и самым почтенным то перемещение, которое производит тело само над собой путем нагревания, охлаждения и всех тому подобных явлений, и отрицавшие значительность перемещения, производимого душой над телом и над самой собой. А теперь, раз мы утверждаем, что душа, лишь только она очутится в теле, движет — в этом нет ничего удивительного — и перемещает и его и самое себя, нет никаких доводов против убедительности того, что душа в состоянии перемещать любую тяжесть. Вот почему мы и теперь считаем душу причиной всего и все блага считаем именно такими, а все дурное — иным по своим свойствам. Ничего удивительного нет в том, что душа является причиной всякого рода перемещения и движения; перемещение и движение в сторону блага есть свойство всеблагой души, а в противоположную сторону — свойство противоположной души. Впрочем, благо должно всегда брать верх над тем, что ему противоположно.

11

Все это мы высказали согласно справедливости, мстящей за нечестие. Что же касается предмета нашего исследования, то мы не можем не верить, будто мы не должны считать мудрецом человека благого. А насчет этой мудрости, которую мы отыскиваем уже давно, давайте, посмотрим, мыслима ли она в том образовании или в том искусстве, нуждаясь в знании которого, мы были бы невеждами и в области справедливости, раз уже мы таковы. Мне кажется, что да; сейчас я об этом скажу. Дело в том, что я производил изыскания повсюду, и вот я попытаюсь в ясном виде представить вам ту причину, что была мною обнаружена. Главнейшая область добродетели нами осуществляется нехорошо; это и было причиной — я вполне уверен — того, что именно это вытекает из только что указанных соображений. В самом деле: никогда никто нас не разуверит, что есть область добродетели более главная для смертного племени, чем благочестие. Следует указать, что этого не случилось в наилучших натурах из-за величайшего невежества. А наилучшие натуры это те, что встречаются чрезвычайно

редко; зато они очень полезны, если встретятся. Дело в том, что душа, обладающая и медлительностью и ей противоположную природой в умеренных, кротких размерах, была бы обходительна, восхищалась бы мужеством, была бы послушна здравомыслию и, что самое главное, при этих своих природных свойствах могла бы усваивать, обладала бы хорошею памятью и смогла бы очень хорошо радоваться именно своей любознательности. Правда, подобные натуры не очень-то легко появляются на свет; но раз они встречаются, раз они получают должное образование, они могут сдерживать в надлежащих пределах натуры худшие, более многочисленные помощью разумности, своего поведения и отдельных указаний насчет богов, как и когда надо так поступать относительно жертвоприношений и очищений пред богами и людьми. Они далеки от всякого рода наружной рисовки, но поистине почитают добродетель. А это самое главное для любого государства. Вот мы и утверждаем, что такие натуры, по своей природе, всего значительнее и способны как можно лучше и прекраснее усваивать те знания, которым их обучают. Между тем обучать невозможно без божьего руководства. Стало быть, если кто принимается не так за обучение, то лучше его и не усваивать. Впрочем, из нынешних слов вытекает для таких натур необходимость усвоить именно такие взгляды. Мне же необходимо указать на эти наилучшие натуры. Давайте, попробуем основательно разобраться в свойствах всего предмета и в способах его усвоения. Я, по мере моих сил, буду указывать. Кто может, пусть выслушает, каким именно образом можно усвоить благочестие; пожалуй, придется услышать нечто необычное. Ведь мы лично указали бы, что эта наука — чего никогда не предположил бы человек, несведущий в этом деле,—называется астрономией. Вам неизвестно, что величайшим мудрецом необходимо должен быть истинный астроном, не тот, кто занимается астрономией по Гесиоду, и ему подобные, ограничивающиеся наблюдением над заходом и восходом светил, но тот, кто из восьми кругооборотов наблюдает преимущественно семь, при которых каждое светило проходит свой круговой путь так, что это нелегко смогла бы рассмотреть любая натура, непричастная свойствам чудесной натуры. Как мы только что сказали, мы укажем, согласно нашему

утверждению, надлежащий способ и направление для усвоения. Прежде всего укажем вот на что.

12

Луна очень быстро проходит свое круговращение и совершает свои фазы, начиная сперва с полнолуния. Затем надо поразмыслить над солнцем, которое, в течение всего своего круговращения, проходит через свои поворотные пункты, и над его спутниками. Чтобы не повторять часто того же самого об этих светилах, скажем, что путь остальных светил, указанных нами ранее, сообразить легко. Чтобы подготовить натуры, способные усвоить эти знания, следует предварительно их научить многому и приучить с детского и отроческого возраста к настойчивому труду. Следовательно, должны быть науки. Самая главная и первая из них — наука о самих числах, но не об отвлеченных, а о зарождении вообще понятия „нечет“ и „чет“, об их значении, которое они имеют по отношению к природе вещей. Кто это усвоил, тот может перейти последовательно к тому, что носит очень смешное название геометрии. На самом же деле ясно, что это наука о том, как сделать соизмеримыми на плоскости числа, по своей природе несоизмеримые; кто может соображать, для того явным стало бы, что здесь чудо не человеческое, но прямо божественное. После этой науки, идет следующая, ей подобная; ее также называли геометрией люди, ею занимающиеся; эта наука изучает тела, имеющие три измерения, соизмеримых друг с другом или несоизмеримых в отношении своих кубических свойств.

Но что удивительно и божественно для вдумчивого наблюдателя, это закон двукратных возрастающих или убывающих отношений чисел, замечающийся во всех видах и родах вещей.

991 Первое двукратное отношение чисел есть отношение единицы к двойке; результат, в смысле своей значимости, получается вдвое больший. При переходе к телам трех измерений, осязательным на ощупь, происходит опять-таки удвоение, причем здесь от единицы восходят к числу „восемь“⁵. Второе значение числа „два“ занимает среднее место между этими двумя преде-

лами, так как оно настолько превосходит себя самого; оно превосходит одну крайность, и в равной мере его превосходит другая крайность. Так, среди чисел, заключающихся в ряду чисел между шестью и двенадцатью, находятся два числа, образованные: первое прибавлением одной половины числа „шесть“, второе — прибавлением трети числа „шесть“⁶. Значение самих этих чисел, занимающих среднее место между двумя крайностями, научило людей употреблению согласованности и соразмерности, ради ритмических игр и гармонии, и дало это в дар счастливому хороводу Муз.

14

Так вот, пусть именно в таком порядке совершается усвоение всех этих наук. Завершением их должно служить рассмотрение божественного происхождения и самой прекрасной и божественной природы зримых вещей, которую бог дал созерцать людям. Без только что разобранных наук никто не сможет ее созерцать, хотя бы человек и хвалился тем, что он легко все схватывает. Вдобавок надо в любом общении людей, путем вопросов и изобличений, сравнивать отдельные явления с видами, каждый раз когда что-нибудь было высказано недостаточно хорошо. Это, действительно, во всех отношениях наилучший и первый у людей способ исследования; остальные же способы недостоверны, несмотря на свою привлекательность; следовательно, это самый тщетный из всех трудов. Далее, нам надо познать точность времени, с какою точностью совершаются все небесные явления, чтобы поверить, что истинно то слово, которое утверждает старшинство души над телом и, вместе с тем, ее более божественную сущность, чтобы считать прекрасным и достаточно обоснованным утверждение, что все полно богов, и что мы никогда не находимся в пренебрежении у высших сил из-за их забывчивости и незаботливости.

Во всех этих вещах надо мыслить так: правильное их понимание очень полезно в известном отношении для человека; в противном же случае лучше постоянно призывать бога. Вот в каком отношении — укажем хотя бы на это — они полезны:

Е всякая геометрическая фигура, всякое сочетание чисел, всякое гармоническое соединение имеет сходство с круговым перемещением звезд; следовательно, любое единичное явление, для человека, надлежащим образом его усвоивающего, являет собою все остальные; впрочем, как мы и говорим, они явят ему все остальное только в том случае, если он правильно усвоивает, производя свое единичное наблюдение. Для людей вдумчивых
992 здесь обнаружится естественная связь между всеми этими явлениями. Если же человек как-нибудь иначе принимается за это дело, то ему надо, как мы и говорим, призвать на помощь счастье. В самом деле: без этих знаний человек с любимыми природными свойствами не станет блаженным в государствах; есть только один этот способ, только эти науки — все равно, легки ли они или трудны. По этому направлению и должен идти человек. Нельзя пренебрегать богами, раз уже явным стало ведущее к счастью откровение о всех богах, указывающее, к тому же,
В способ их познания. Я считаю поистине в высшей степени мудрым человека, охватившего таким путем все эти знания. И в шутку и всерьез я стану настойчиво утверждать, что такой человек, даже восполнив смертью удел своей жизни, даже на своем смертном одре, не будет иметь, как теперь имеет, множества ощущений, но достигнет только своего единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и, вместе с тем блажен; все равно, пребывает ли он блаженным на островах блаженных или на материке — он всегда получит в удел такую судьбу; занимался ли он при жизни
С государственными делами или своими частными, — все равно, боги дадут ему одинаково эту участь. Впрочем, и сейчас остается в силе наше действительно истинное первоначальное утверждение, что людям, за редкими исключениями, невозможно стать в совершенстве блаженными и счастливыми; тогда это было правильно нами указано. Но люди божественные, здравомыслящие и, вместе с тем, по своей природе причастные всей остальной добродетели, вдобавок еще овладевшие всем, что
D имеет отношение к блаженной науке — в чем это состоит, мы уже указали — такие люди, и только они одни, получили в удел обладание всеми дарами благого божества. Итак, людям, именно так потрудившимся в этой области, и следует — мы сейчас

высказываем это частным образом, но установим это и как государственный закон — предоставлять самые главные государственные должности, лишь только они достигли престарелого возраста; а все остальные люди, вслед за ними должны благоговейно относиться ко всем богам и богиням.

Мы же, достаточно распознав и проверив членов Ночного Собрания, призываем их всех к наиболее правильному пониманию этой мудрости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (973 А). Диалог начинается нескладным периодом.

² (976 В). *πνεύματος ὄργην οὐδὲ φιλίαν* — выражение необычное в прозе; быть может, поэтическая реминисценция.

³ (985 Е). Вероятно, имеются в виду солнечный и лунный годы.

⁴ (987 А). Ср. Цицерон, *De divin.* I, 1: „Первоначально ассирийцы... вследствие равнинности и огромности населяемых ими областей заметили перемещения и движения звезд, так как небо там ничем не заслонено и открыто для наблюдения“.

⁵ (991 А). Согласно обычным представлениям платоников и пифагорейцев, единица соответствует точке, число два — линии, четыре — плоскости, восемь — телу трех измерений. Таким образом, смысл этого места следующий: *πᾶσα ἢ φύσις* — любая геометрическая форма, *εἶδος* и *γένος* — ее разновидности, частные и более общие, *τὸ διπλάσιον* — удвоение. Иными словами: если единица соответствует точке, то, умноженная на два, она дает линию, положение которой определяется двумя точками; четыре точки определяют плоскую поверхность и т. д.

⁶ (991 В). *τὸ ἡμιόλιον*, в ряду натуральных чисел от 6 до 12, будет 9, так как $9 = 6 + 3$, раз $3 = \frac{6}{2}$; *τὸ ἐπίτριτον* — 8, так как $8 = 6 + 2$, а $2 = \frac{6}{3}$.
